
БРЕУСЕНКО-КУЗНЕЦОВ А.А.,
кандидат психологических наук,
доцент, НТУУ „Киевский
политехнический институт“,
г. Киев

Г.И.ЧЕЛПАНОВ КАК МЕТОДОЛОГ ПСИХОЛОГИИ И ТЕОРЕТИК ЛИЧНОСТИ

Методологические взгляды Г.И.Челпанова характеризуются принципиальной синтетичностью. Эмпирическая психология не может существовать в отрыве от метафизической. Субстанциализм Г.И.Челпанова в понимании души как предмета психологии находит наиболее рельефное воплощение в его представлениях о личности.

Методологічні погляди Г.І.Челпанова характеризуються принципово, синтетичністю. Емпірична психологія не може існувати окремо від метафізичної. Субстанціалізм Г.І.Челпанова у розумінні душі як предмету психології знаходить найбільш рельєфне втілення у його уявленнях про особистість.

G.I.Chelpanov's methodological views are characterized by basic synthetical character. The empirical psychology cannot exist apart from metaphysical one. G.I.Chelpanov's substantialism in considering soul to be the subject of psychology finds the most prominent embodiment in his notions about the person.

Систематически изложенной теории личности (равно как и завершённой философской системы) Г.И.Челпанов не оставил, хотя дал достаточно оснований для её реконструкции. И основания эти – преимущественно методологического уровня.

По-видимому, на научное творчество Г.И.Челпанова влияли тенденции в научном мире, обозначенные Л.М.Лопатиным как «запретительная система», хотя и наивным «работом запретов» он точно не был. Выступая

организатором отечественной науки и создателем сплочённого научного сообщества, Г.И.Челпанов не мог позволить себе роскоши лопатинской одинокой непоколебимости в непопулярных взглядах. Он был вынужден к компромиссам и ориентации на освоение всего спектра передовых научных достижений. Эти очевидные компромиссы, в разное время и по разным причинам остановили на себе недоумённое внимание Л.С.Выготского, Б.С.Братуся, А.А.Шевцова и др.

Л.С. Выготский находил бесприн-

© Бреусенко-Кузнецов А.А., 2012

ципной его позицию сохранения прежнего научного направления под новыми лозунгами и, возмущаясь лукавством, с которым Г.И.Челпанов сводил к игре словами замену субъективной научной терминологии объективной, в «Историческом смысле психологического кризиса» (1927) восклицал: «Для психологов типа Челпанова это безусловно так; кто не исследует и не открывает нового, тот не может понять, зачем исследователи для новых явлений находят новые слова; кто не имеет своего взгляда на вещи, а одинаково приемлет Спинозу и Гуссерля, Маркса и Платона, для того принципиальная перемена слова есть пустая претензия... Но Челпанов только притворяется, будто дело в словах. Ведь у него-то самого тезис не нужно реформы терминологии – есть вывод из другого тезиса: не нужно реформы психологии» [2, с.125-126]. Б.С.Братусь в «Образе человека в психологии России XX века» (2005) удивлялся уже тому, что «Г.И.Челпанов не отрицал существования души или трансцендентность человеческого бытия, но разводил это со своими научными занятиями психологией» [1], отмечал содержательный разрыв между изысканиями Г.И.Челпанова в областях философии и экспериментальной психологии, будто писали их разные люди (с одной стороны – онтологические, космологические и гносеологические тонкости методологии, с другой – никак не просветлённое высшими идеями устройство низменных тахистоскопов и способы вычисления средних величин). А.А.Шевцов в книге «Самопознание и субъективная психология» (2003) усматривал в усилиях Г.И.Челпанова по созданию научного сообщества отход от внутренней правды, обретаемой в интимных актах самопознания, видел во «Введении в экспериментальную психологию» безблагодатную имитацию научного творчества в целях снискания благорасположения большинства научного люда: «На душу Челпанова определённо охотились, и он прятался в экспериментальной

психологии» [7].

Но о беспринципности ли Г.И. Челпанова свидетельствуют найденные данными авторами компромиссы? По нашему мнению, скорее – о принципиальной широте взглядов. У нас напрашивается метафора. «С кем вы, Челпанов?» – восклицают нестройным хором слепые мудрецы, ощупавшие три разные части тела слона и фрустрированные в своих притязаниях на гомогенность объекта исследования.

Очевидно, что «компромиссы», в которые вступал Г.И.Челпанов, имели чисто тактический характер; гибкости в принципиальных вопросах учёный не допускал, отчего и не пришёлся ко двору в советский период своего творчества, когда ему (в отличие от С.Л.Рубинштейна) не удалось себя замотивировать на тщательное прочтение трудов неинтересного ему К.Маркса и увидеть принципиальные отличия марксизма от спинозизма.

И вот ещё какой парадокс: компромиссный характер научных самопроявлений Г.И.Челпанова, как ни странно, совпадал с его принципиальной позицией, он имел важное внутреннее основание в методологических воззрениях учёного. Значимость синтеза психологии в единую науку, преодоления раскола (который ещё в XVIII веке вылился в отнесение философской энциклопедией Х.Вольфа эмпирической и рациональной психологии к различным группам наук), для Г.И.Челпанова превышала значимость любых частных расхождений взглядов.

Как методолог-синтетик, Г.И. Челпанов продолжал линию Н.Я.Грота на синтез метафизической и эмпирической традиций. В его версии этот необходимый синтез предстал в трёх измерениях, впервые вычлененных из разных его трудов и сведенных воедино И.П.Манойхой [3]: преодоление противопоставления экспериментальной и теоретической психологии; преодоление попыток абсолютизировать ту или иную методологию; преодоление разделения психологии на субъектив-

ную и объективную.

Экспериментальная психология была противопоставлена теоретической в силу исторического недоразумения; именно угар выделения из философии в отдельную науку, связанный с креном в естественнонаучную сферу, заставил новообразовавшихся «научных» психологов сторониться признания важности теоретизации, пытаться превратить её в «чисто эмпирическую науку», в пределе – в отрасль естествознания. Г.И.Челпанов, не сторонившийся эмпирических методов самих по себе (и поэтому причисляемый к «эмпирической традиции»), не был эмпириком в этом идеологическом смысле, ибо не считал возможным рассматривать психологию как естественнонаучную дисциплину, видел в отказе от философии сужение возможностей науки.

Чистым «метафизиком» от психологии Г.И.Челпанов тоже не стал с той же понятной нам целью: дабы воспрепятствовать вырождению эмпирической психологии в раздел физиологии. Чтобы реально свести науку воедино, следует охватить в ней всё, вплоть до пресловутых тахистоскопов. Следует самому озаботиться всесторонней подготовкой психологов-экспериментаторов, не оставляя эту область в единоличном владении презирующих метафизику медиков. Такая подготовка, предполагающая широкую метафизическую компетентность студентов, была развёрнута сперва в Киеве в рамках психологического семинария, затем – в Москве.

Важность философии (именно её, а не какой-либо довлеющей идеологии) для психологии, по Г.И.Челпанову, в том, что она задаёт ориентиры научному знанию. Тем самым, она даёт нам то миропонимание, которое единственно доступно для человеческого ума в данный момент его развития. Так как миропонимание делается основой жизнепонимания, то в этом смысле философия может сделаться руководительницей жизни» [4]. Далеко не все направления в философии учёный

принимал (прежде всего он отвергал позитивизм и вульгарный материализм, которые и выступают учениями в философии, санкционирующим физиологизацию психического), но в целом он был сторонником продуктивного диалога различных школ, и в философских точках зрения, которые находил полезными для развития психологии, не торопился искать обесценивающие их недостатки.

Как методолог психологической науки, Г.И.Челпанов тяготел к синтезу различных направлений и принадлежащих им методов, понимая, что предметная область психологии охватывает множество различных явлений, допускающих по отношению к себе постановку различных задач – и требующих по отношению к себе различных подходов. Нельзя в области психологии «выполнить одним инструментом все виды работ». Триада методов, к которым склоняется Г.И.Челпанов, – умозрение, интроспекция и эксперимент – охватывает все основные возможности психологического познания. Умозрение способно дать представление о метафизической сущности психических явлений, интроспекция позволяет непосредственно соприкоснуться с реальностью явлений, выявляющих свою сущность, эксперимент служит объективной верификации результатов интроспективного познания.

Решая онтологический вопрос о первоначалах мира, в выборе между ответами материализма, спиритуализма и психофизического монизма (спинозизма) Г.И.Челпанов склоняется к спиритуализму, считает наиболее вероятным, что всё сущее состоит из духовного, из монад. Материализм опровергается самой данностью психического во внутреннем опыте, психофизический же монизм приводит к неразличению психического и физического, к невозможности их сопоставления за неимением надёжных оснований.

В основу своей критики психофизического монизма Г.И.Челпанов положил вундтовский принцип «эмпи-

рического параллелизма», согласно коему физические и психические процессы принципиально не могут быть отождествлены и не детерминируют друг друга. Важно, что психическое объясняется только из психического.

В вопросе отличия психических явлений от явлений физических и материальных, составляющих предмет наук о природе, Г.И.Челпанов использует эмпирические аргументы В.Вундта, позволяющие утверждать уникальность предмета психологии (познаваемость душевных явлений при помощи внутреннего опыта, а не внешнего; доступность их наблюдению только того лица, которое их переживает) но на них не останавливается: последний аргумент отличия психического от физического (душевному явлениям свойства протяжённости приписываемы быть не могут [6, с.4]) указывает не на что иное, как на субстанциальное отличие душевных явлений от явлений, принадлежащих материальному миру. Субстанциальность души Г.И.Челпанов признает вполне недвусмысленно, при этом он, отстраняясь от актуализма В.Вундта, защищает представление Л.М.Лопатина о субстанции как о пребывающей в единстве со своими обнаружениями.

Присоединение Г.И.Челпанова не к актуализму, а к лопатинскому субстанциализму влечёт иное, чем у В.Вундта, понимание опыта. Если в экспериментальной психологии В.Вундта опыт оказывается базовой категорией, конституирующей предмет психологической науки; то у Г.И.Челпанова за опытом стоит иной предмет психологии, связанный с её метафизической традицией. Если для В.Вундта большое значение имело единство опыта, позволяющее превращать в эмпирическую науку даже философию («...для него философия, как и все другие науки, имеет своим основанием опыт, но с тою только разницею, что философия не ограничивается какой-либо частной областью, как это делают отдельные науки, но

имеет своим предметом всю область опыта» [5, с.2]), то для Г.И.Челпанова важнее указание на различие опытов, относящихся к разным мирам; он использует категорию мира, чтобы подчеркнуть пропасть между психикой и непсихическим. То, что психическое, по Г.И.Челпанову, образует самостоятельный мир (а не просто способ организации опыта), показательно в плане значимости дихотомии «субстанциализм – актуализм» для решения и наших задач: она позволяет нам с уверенностью причислить Г.И.Челпанова к теоретикам личности (не испытывая подобной уверенности относительно В.Вундта).

Согласно Г.И.Челпанову, «под субстанциальностью мы должны понимать ту сторону явлений, которая отличается известным постоянством и которая служит основой для изменяющейся стороны явлений. Такое отношение между субстанцией и её явлениями есть нечто логически необходимое. Мы не можем представить себе, чтобы какая-нибудь деятельность могла быть без деятеля, какое-нибудь явление без субстанции... нашему душевному миру присуще постоянство еще и потому, что он представляет единство [5, с.359]. Психологическая причинность, основывающаяся на принципе субстанции, несомненно, является более оправданной, чем основанная на творческих возможностях внешнего ряда психических явлений, составляющих опыт.

Мы считаем, что методологические взгляды Г.И.Челпанова (как и других методологов психологии) находят наиболее рельефное воплощение в его представлениях о личности.

Редко употребляя слово «личность», учёный не был склонен его специально определять, что создаёт некоторую терминологическую неопределённость. В киевский период творчества Г.И.Челпанов как будто отождествлял личность с психикой и душой и использовал эти термины как взаимозаменяемые, говоря в «Учебнике психологии», что «личность есть при-

чина душевных явлений. Благодаря деятельности души мы имеем представления о собственных чувствах» [5, с. 8]. Однако, в «Мозге и душе» мы можем найти основания для разделения понятий «душа», «личность» и «я».

Отвечая на вопрос, что такое «я», Г.И.Челпанов предлагает обратиться к актуальным данным самосознания: «Чтобы ответить на это, нам следует только спросить себя, что мы думаем, когда мы употребляем слово «я». Когда я употребляю слово «я», то я при этом думаю о том, что я занимаю такое общественное положение, что я родился там-то, что мне столько-то лет, что я имею такую-то наружность, что у меня такая-то одежда, что я тот самый, который неделю назад говорил на этом самом месте» [5, с.318].

К понятию «личность» он обращается в связи с идеей тождества нашего «я» во времени (высказанной ещё Л.М.Лопатиным): «Тождеством личности мы считаем то обстоятельство, что я отождествляю мое теперешнее «я» с тем «я», которое я имел много лет назад. Между ними в действительности есть огромная разница. В самом деле, когда я был ребёнком, то, употребляя слово «я», я мыслил совсем другое, чем когда я теперь употребляю это слово. Но мне кажется, что мое теперешнее «я» тождественно с моим прошлым «я». Если бы я не чувствовал тождества моего сегодняшнего «я» с моим «я» месяц тому назад, то я не считал бы себя ответственным за свои поступки, совершённые месяц тому назад. Но так как я считаю себя ответственным, то это значит, что я признаю свое тождество в различные моменты моей жизни» [5, с. 318].

«Душа» понимается как субстанциальное (духовное) основание личности: «Вот факты, в реальности которых едва ли кто-нибудь станет сомневаться, – но как их объяснить? Пытаясь объяснить эти факты, некоторые философы и пришли к признанию необходимости допустить существование «души». Они предполагали, что существует особая духовная субстанция,

которую они считали простой и неделимой, нематериальной и неразрушимой. Эта духовная субстанция является носителем всех духовных состояний; она соединяет в одно целое все отдельные состояния. Благодаря ей наше «я» кажется тождественным и непрерывным. Эта духовная субстанция не есть что-нибудь тождественное с нашим духовным состоянием, с нашими чувствами, мыслями, желаниями и т. п. Она есть нечто отдельное, стоящее вне их и имеющее целью соединять духовные состояния в одно целое. Она, другими словами, напоминает собой материалистический атом. Подобно тому, как атом, скрываясь позади материальных явлений, на самом деле есть носитель всех свойств этих последних, так и духовная субстанция, будучи непосредственно недоступна нашему восприятию, является носителем сил, при помощи которых она вызывает явления сознания. Философы, которые признавали существование такой духовной субстанции, называются спиритуалистами», с. 319]. В последнем пассаже Г.И.Челпанов, по своему обыкновению, остался в метапозиции, вроде бы прямо не заявляя о своей поддержке спиритуализма, но всей логикой сказанного её подразумевая.

Выводы. Итак, по линии «я» – личность – душа Г.И.Челпанов удаляется от той поверхности данных в интроспекции психических явлений, которой удовлетворяется В.Вундт; а именно в направлении от «я» к личности происходит обретение психическим характеристик целостности и самотождественности, эмансипация от ситуативных влияний и закономерностей, в направлении же к душе происходит обретение психическим того субстанциального (духовного) фундамента, обнаружением которого оно и служит.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Братусь Б.С. Образ человека в психологии России XX века // Развитие личности. – 2005. – №3. – С. 121-136.
2. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры. – М.: изд «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 512 с.
3. Маноха І.П. Психологія потаємного «я». – К.: Поліграф книга, 2001. – 448 с.
4. Челпанов Г.И. Введение в философию. Изд. 6-е. – М., 1916. – 543 с.
5. Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. – М.-Пб.: Думнов-насл. Салаевых, 1918. – 319 с.
6. Челпанов Г.И. Учебник психологии. 4-е изд. – К.- Одесса: Розов, 1907. – 205 с.
7. Шевцов А.А. Самопознание и субъективная психология. – М, 2003. – 424 с.